

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТАТА ШУ

БЫВШИЕ

БЕЗ ТЕБЯ НЕЛЬЗЯ

Тата Шу

БЫВШИЕ. Без тебя нельзя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72631621

SelfPub; 2025

Аннотация

Их любовь вспыхнула в юности – страстная, безоглядная, как гроза над Волгой. Женя и Влас были готовы отдать друг другу всё, но гордость, недоговорённости и вмешательство третьих лиц разлучили их. Он ушёл в плавание, она осталась одна, скрывая под сердцем их общую тайну. Годы спустя судьба возвращает их друг к другу: теперь перед ними – не только прошлые обиды, но и дочь, рождённая в разлуке. Влас, ставший сильным и уверенным мужчиной, клянётся больше не отпускать любимую. А Женя, выстоявшая в одиночестве, учится снова верить – в любовь, в семью, в то, что «без тебя нельзя» – это не приговор, а обещание на всю жизнь. История о второй попытке, настоящем прощении и любви, которая сильнее времени и ошибок.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	65
Глава 9	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Тата Шу

Бывшие. Без тебя нельзя

Глава 1

Вечер в актовом зале речного училища был особенным. Сюда редко пускали «гражданских», но этот вечер был посвящен первокурсникам. По заведенной традиции, каждый год, вторая суббота сентября наполняла актовый зал музыкой. После официальной части и концерта, начинался танцевальный вечер.

Для Власа Лазарева, как и для любого курсанта, такие вечера были способом познакомиться с очередной девушкой. Потому как на эти вечера приглашали девушек из других учебных заведений. Для курсантов такие вечера были глотком свободы. Он, как всегда, был в центре внимания – высокий, спортивный, в идеально отглаженной форме, его темный «ершик» и насмешливый взгляд зеленых глаз выдавали в нем человека, знающего себе цену. Но за привычной дерзостью скрывалась усталость от строгого порядка в общежитии.

Женя Рудакова пришла с подругами из училища, чувствуя себя чужестранкой в этом мире строгих правил и мужского внимания. Она стояла у стены, стараясь не привлекать вни-

мания. Ее длинные русые волосы и бездонные зеленые глаза, казалось, впитывали весь свет зала. Сегодня на ней было платье, которое мама выгладила очень тщательно. Хотя она и уставала после работы проводницей на поездах дальнего следования, но она всегда находила в себе силы после смены сделать так, чтобы дочь выходила в люди «как люди».

Их взгляды встретились. Влас увидел не просто красивую девушку. Он увидел тишину, спокойствие, какой-то иной, незнакомый ему мир. Мир, где нет строевой подготовки, подъема по сигналу и вечного ожидания проверки. Он не раздумывая, пересек зал.

– Разрешите представиться, Лазарев Влас, – с легкой иронией представился он. – Могу ли я вас пригласить на танец?

Женя смутилась и улыбнулась.

– Я не очень умею, – краснея сказала она.

– Я тоже. Нас здесь учат другому, а не вальсировать, – рассмеялся он, и его лицо сразу стало молодым и открытым. – Будем учиться вместе.

Их танец был неловким и милым. Влас с трудом подстраивался под ритм медленной музыки, но его руки были удивительно надежными и бережными. Женя, сначала скованная, постепенно расслабилась, доверившись его ведущей руке на своей талии. Она улыбалась, глядя куда-то ему в грудь, а он не отводил с нее взгляда, словно пытаясь разгадать загадку этой тихой девушки.

Со стороны за ними с усмешками наблюдала ватага его

однокурсников.

– Смотри-ка, ловелас Лазарь пристроился к тихоне, – фыркнул коренастый Димка, известный всему училищу бабник. – Не его типаж, вроде. Любит он покруче.

– А ты чего завидуешь? – поддел его другой приятель, Сергей. – Ему папаша суда покупает, а тебе на такси до общежития копить надо. Ему и девушки другие достаются.

В этих шутках сквозила не просто бравада, а гложущая многих зависть. Они все знали про Власа. Знакомились с ним осторожно. Он был как дикое животное. Отец – Ефим Сергеевич Лазарев, старший брат Клим – владельцы частной судоходной компании «Лазарев и Сыновья». Влас был тем самым «младшим сыном», долгожданным, поздним, любимым. Старший брат давно отгрыз гранит науки в академии и работал в бизнесе с отцом, руководил филиалом компании в Санкт-Петербурге, а Влас рос в атмосфере вседозволенности. Учиться он не желал категорически, считая, что семейные деньги решат все проблемы.

И тогда Ефим Сергеевич, человек старой закалки, сломал его розовый мир одним разговором:

– Хватит баловаться. Не хочешь головой работать – будешь руками. Пройдешь все от матроса. После училища – в институт. Сдашь сессию хоть на тройки – будешь капитаном. Не сдашь... – отец тяжело посмотрел на него, и в его глазах не было ни капли снисхождения, – лишу наследства, и будешь грузчиком на моих же судах. Выбор за тобой.

И Власу пришлось поступить в речное училище, в котором когда-то учился его отец.

Училище с его дисциплиной, подъемом в шесть утра и кубриком стало для избалованного мальчика холодным душем. Он злился, бунтовал, но понимал – отступить некуда. И на фоне этой вынужденной ломки Женя с ее спокойствием и какой-то незыблемой внутренней чистотой показалась ему оазисом. Она была полной противоположностью всему, что его окружало: не кричала, не требовала, не пыталась произвести впечатление. В ней не было и тени того расчета, который он с детства учился видеть в глазах окружающих.

Когда музыка смолкла, Влас не отпустил ее руку.

– Давай выйдем, душно тут, – предложил он, и в его голосе не было привычной команды, а была просьба.

Они вышли в прохладный осенний вечер. Он провожал ее до автобуса, и весь путь они молчали, но это молчание было комфортным, не неловким. Он чувствовал, как приятели провожают их взглядами, стоя на крыльце училища и ему было плевать. В этот момент он был не «сыном Лазарева», а просто парнем, который провожает понравившуюся девушку. И это ощущение было дороже любого родительского состояния.

Перед тем как она зашла в автобус, он успел сказать:

– У меня в следующую субботу увольнительная. Встретимся?

Женя, все еще краснея, лишь кивнула. А он, вернувшись

в кубрик, лег на жесткую койку и впервые за долгое время думал не о строгом отце и ненавистной учебе, а о зеленых глазах, в которых тонула вся его дерзость. Он понял: она – его единственный шанс остаться собой в этом мире, который пытается его переломить. «Мне уже без тебя нельзя». Так начались их редкие, выстраданные встречи.

У Власа не было возможности видеться, когда вздумается. Каждая увольнительная была на счету, добывалась через наряды вне очереди и обещания «не подвести товарищей». Пришлось подтягивать учебу. Их роман стал романом ожидания и свиданий на бегу. Он звонил ей со своего дорогого телефона на ее кнопочный, когда у него было «окно».

– Жень, привет! Завтра. С двух до девяти. Встретимся?

– Конечно! – она отвечала, и сердце начинало биться чаще, как будто он сообщал ей о целом отпуске.

Их свидания чаще проходили, в ее районе. Влас приезжал на автобусе, тратя драгоценные минуты на дорогу. Иногда они гуляли по тихим улочкам города. Заходили в кафе выпить кофе и съесть по кусочку торта или пирожному. Для Власа, выросшего в центре Москвы, этот мир был экзотикой. Мир, где многие знают друг друга в лицо, где пахнет свежим хлебом из местной пекарни и сиренью из палисадников.

И в этом простом мире, рядом с Женей, Влас открывал в себе новую, незнакомую бурю. Он, давно познавший женское тело, для которого интимные победы были такой же обыденностью, как смена времени суток, столкнулся с огнем,

пожиравшим его изнутри. Это было не просто желание. Это была мучительная, сладкая жажда, заставлявшая его кровь стучать в висках от одного прикосновения ее руки. Он горел. Каждая клетка его тела кричала о том, чтобы прикоснуться к ней, почувствовать тепло ее кожи, утонуть в той тишине, что исходила от нее. Но впервые в жизни его дерзость и напор наталкивались на непреодолимый барьер – его собственную осторожность. Он понимал, с какой хрупкой гранью имеет дело. Женя была не из тех, с кем можно спешить. В ее глазах он читал доверие, которое было дороже любой мимолетной страсти. И этот внутренний огонь парадоксальным образом заставлял его сдерживаться. Он ловил себя на мысли, что боится. Не ее, а сломать это хрустальное чувство, спугнуть ту самую чистоту, что стала для него глотком воздуха.

Без нее все вокруг превращалось в капкан. Училище с его уставом, отец с его ультиматумами, однокурсники с их плоскими шутками – все это было тюрьмой, из которой он мог вырваться лишь в те редкие часы, когда видел ее. Только с ней он мог дышать полной грудью. И пусть его пожирал огонь желания, он не торопился. Он инстинктивно чувствовал, что такого в его жизни больше не повторится. Это было единственное, что принадлежало лично ему, а не «сыну Лазарева». И он был готов ждать, потому что был абсолютно уверен: все у них будет. Все произойдет. И никуда теперь они друг от друга не денутся.

Эта уверенность не делала его мягче. Напротив, она дела-

ла его более агрессивным в своей защите. На очередном вечере в училище он не отходил от Жени ни на шаг. Он охранял свое сокровище как зеницу ока. Его привычная дерзость приобрела новый оттенок – собственнический и предельно четкий. Он стоял, прислонившись к стене, и вжимал ее спиной в себя, обнимая. Он не просто был с ней – он выставлял напоказ их связь, метя территорию. И он мгновенно заводился, как часовой механизм, едва в их сторону отпускали шуточки или кто-то из его же товарищей, осмелев, пытался шутливо пригласить Женю на танец. Взгляд его становился стальным, поза – напряженной, готовой к конфликту. Одно его ледяное «Она занята», брошенное через плечо, было красноречивее чем сотни криков. В эти моменты он снова становился тем самым Власом – дерзким, агрессивным, не терпящим конкуренции. Но теперь эта агрессия имела цель. Она была щитом для того единственного человека, без которого его мир терял всякий смысл. «Без тебя нельзя» – эта мысль стала его главной истиной, его кредо и его оправданием.

Глава 2

Женя жила от звонка до звонка. Вернее, от свидания до свидания. Ее мир, прежде ограниченный училищем, работой мамы и стенами их хрущевки, раскололся надвое. В одной половине была серая обыденность: лекции, домашние задания, пустая квартира, когда мама была в рейсе. В другой – ослепительно-яркая, словно вспышка света, реальность по имени Влас. Ее девичье сердце, еще вчера не знавшее страсти, отдалось ему целиком, без остатка и безоглядно. Это была не та наивная влюбленность, что случилась с ней в восьмом классе, когда она месяц краснела при виде одноклассника Вити, игравшего в баскетбол. Та детская симпатия теперь казалась ей глупой и нелепой игрой. То было приготовление, а это – главное блюдо жизни. Рядом с Власом в ней пробуждалось что-то новое, мощное и пугающее – ее женское начало. Его поцелуи, сначала робкие, а потом все более уверенные и жадные, сводили ее с ума. Они были не такими, как в кино. В них была не только нежность, но и какая-то отчаянная, почти звериная потребность, которая пугала и манила одновременно. Когда он касался ее руки, проводил пальцами по ее щеке, целовал закрытые веки, ее разум отключался, уступая место потоку огненной лавы, заливавшей все тело. Она таяла, как снежинка на горячей ладони, и в этом исчезновении себя обретала новую, незнакомую Женю – смелую,

страстную, живую.

Она стала затворницей. Подруга Ира, с которой они раньше не пропускали ни одной дискотеки, обиженно ворчала:

– Жень, да на что ты меняешь свою молодость? На эти два часа в неделю? Да у них, этих курсантов, у каждого по пять таких, как ты, на районе!

Женя только качала головой, зная, что объяснить это невозможно. Как объяснить, что один его взгляд, полный того самого огня, стоил всех дискотек мира? Что ожидание субботы было слаще любого мимолетного веселья?

Особенно доставалось ей от Светки, зачатой подруги и соседки по подъезду, вечной сплетницы и «доброжелательницы». Та часто забегала, особенно когда мамы не было дома, под предлогом «скучаю, давай чаю попьем».

– Ну что твой морячок? – с притворным участием спрашивала Светка, уплетая печенье. – Опять в увольнение до девяти? Смешно. Я тебе как подруга говорю: не верь ему. У него скоро, после третьего курса, практика начнется. Уйдет на полгода, в навигацию. И поминай тогда как звали. Придет он из плавания только в ноябре, а там – диплом, и ту-ту, в свою Москву! А ты тут останешься с носом да с разбитым сердцем. Они все такие.

Эти слова, как иголки, впивались в самое сердце. Женя отмахивалась, делала вид, что не придает им значения, но страх, черный и липкий, поселился внутри. Она видела, как он меняется рядом с ней, как его дерзость сменяется нежно-

стью, а агрессия – бережной осторожностью. Но Светка говорила то, о чем Женя боялась думать. Мир Власа был так далек от ее мира. Москва, богатый отец, суда... Она была лишь дочерью проводницы из провинции, девушкой что учится на продавца. А он? Ему еще в институте учиться.

Однажды, после особенно ядовитого визита Светки, Женя не выдержала. Они сидели с Власом в скверике у ее дома, и он, как всегда, торопливо, за несколько минут до расставания, рассказывал ей что-то смешное про преподавателя. Она смотрела на него, на его горящие глаза, на ямочку на щеке, которая появлялась, когда он смеялся, и вдруг спросила, сама испугавшись своей прямоты:

– Влас... а что будет... когда ты уйдешь в плавание?

Он замолчал. Смех с его лица схлынул мгновенно. Он взял ее руку, сжал так крепко, что косточки затрещали.

– Ничего не будет, – сказал он тихо, но с такой железной интонацией, что ей стало спокойнее. – Ничего не изменится. Я буду звонить тебе. В каждом порту. Буду звонить, как только будет возможность. Это всего лишь полгода. А потом... Потом я вернусь. И мы будем вместе. По-настоящему.

Он не сказал «я тебя люблю». Но в этих словах было что-то более весомое, чем простое признание. Это было обещание. План. Он говорил не как влюбленный мальчик, а как мужчина, который строит свое будущее и уже решил, что она в нем есть.

– А Москва? – прошептала она, опустив глаза.

– А ты, – он поднял ее подбородок, заставив посмотреть на себя. В его зеленых глазах не было ни тени сомнения. – Ты будешь со мной.

В этот момент все страхи Светки показались ей мелкими и незначительными. Она поверила ему. Потому что без него ее мир снова сузился бы до размеров хрущевки и учебников, стал бы серым и безвоздушным. Он был ее глотком свободы, ее бурей, ее единственной и такой желанной правдой.

Перед тем как побежать на троллебус, он обнял ее так, как будто хотел забрать с собой, впитать в себя, прижал ее щеку к своей колючей курсантской щеке и прошептал ей в самое ухо, обжигая дыханием:

– Жди меня. Мне без тебя нельзя.

И она осталась стоять одна в прохладном вечере, с лицом, пылающим от его щетины, с душой, полной трепета и страха, но с твердой уверенностью в сердце: она будет ждать. Сколько угодно. Потому что эти редкие, выстраданные встречи стали смыслом ее жизни. А он – тем, без кого этот смысл терял всякие краски.

Их редкие встречи в подъезде ее хрущевки стали и блаженством, и пыткой. Темные, пахнувшие кошками и старыми стенами площадки были их единственным убежищем от посторонних глаз. Они прижимались в углу, между этажами, где свет от лампочки не долетал, и торопливо, жадно целовались, пока кто-нибудь из соседей не хлопал дверью или не спускался по лестнице.

Влас провожал ее после танцевального вечера, еще пахнувший музыкой, формой и вечерним холодом. Его бушлат был грубым и колючим, но под ним скрывалось тело, напряженное от желания. Женя чувствовала это желание каждой клеткой своей кожи – твердый настойчивый напор даже сквозь слои ткани, который заставлял ее сердце биться в бешеном ритме. Его поцелуи были уже не такими робкими. Они были властными, жадными, полными той самой «звериной потребности», которая пугала и манила. Он прижимал ее к стене, его горячее дыхание обжигало шею, его руки, большие и сильные, скользили по ее спине, талии, бедрам, сжимая их с такой силой, что наутро иногда оставались синяки. Она тонувла в этом вихре, ее голова кружилась, а ноги подкашивались. Она отвечала ему с той же страстью, забыв о стыде, о страхе, о всем на свете, кроме него.

Он сдерживался, она это чувствовала. В его объятиях была не только страсть, но и борьба. Он мог вдруг оторваться, откинуть голову назад и, тяжело дыша, смотреть в потолок, пытаясь овладеть собой. Шептал хрипло: «Жень, я не могу... Остановись, а то я...» Но остановиться было невозможно. Она сама тянула его к себе, целуя его упрямый подбородок, шепча что-то бессвязное. Ей тоже было нельзя без него. Эта близость, пусть и через одежду, была наркотиком.

Однажды, в середине ноября, мама ушла в длительный рейс. А у Власа после очередного танцевального вечера в училище была увольнительная до самого утра. Такого еще

не было никогда. Обычно он должен был вернуться к девяти, к десяти. А тут – целая ночь. Свобода казалась осязаемой, пугающей и бесконечно желанной.

Вечер прошел, как в тумане. Женя почти не помнила, что играл ансамбль и о чем они говорили. Она только чувствовала на себе его взгляд – тяжелый, собственнический, полный немого вопроса. И сама задавала себе тот же вопрос. Ответ был очевиден, и от этого у нее перехватывало дыхание. Когда он повел ее домой, они молчали. Но это было красноречивее любых слов. Рука Власа сжимала ее руку так крепко, что пальцы немели. Он шагал быстро, почти бежал, и она едва поспевала за ним. Поднялись по темной лестнице. Ключ дрожал в ее руках, она не могла попасть в замочную скважину. Влас молча взял ключ у нее, легко открыл дверь и втолкнул ее в прихожую. Дверь захлопнулась, и на них обрушилась тишина пустой квартиры. Только их прерывистое дыхание нарушало безмолвие.

Он прижал ее к двери, и его поцелуй был уже не вопросом, а приговором. Влас сбросил куртку на пол, она упала тяжелым грузом. Под ней была форма. Он торопливо расстегнул форменную куртку, и Женя наконец прикоснулась ладонями к его груди, ощущая сквозь тонкую ткань рубашки горячую кожу и биение сердца. Его руки развязывали пояс ее платья, пальцы дрожали.

– Ты уверена? – прошептал он, прижавшись лбом к ее лбу. Его голос был хриплым от страсти. – Последний шанс ска-

зять «нет».

В ответ она только обняла его крепче и прошептала: «Я хочу. Только с тобой».

Эти слова сорвали последние оковы. Он поднял ее на руки, как перышко, и понес в комнату. В темноте он уложил ее на кровать. Лунный свет пробивался сквозь занавеску, освещая ее бледное лицо и широко раскрытые глаза. Он был нежен, как никогда. Каждое прикосновение было обрядом, каждое движение – клятвой. Он раздевал ее медленно, с трепетом, целуя каждый освобожденный от одежды участок кожи: ключицу, плечо, изгиб руки. Когда она осталась совсем без одежды, он замер, глядя на нее, и в его взгляде был не только восторг, но и благоговение.

– Ты такая красивая, – выдохнул он. – Я так боялся тебя испугать.

Она стеснялась, пыталась прикрыться, но он не позволил. Его ладони скользили по ее телу, согревая, пробуждая в ней незнакомые до сих пор ощущения. Его пальцы были удивительно ласковыми. Он изучал ее, как драгоценность, и она постепенно расслаблялась, отдаваясь потоку нахлынувших чувств.

Когда боль от первого проникновения пронзила ее, она вскрикнула и вцепилась ему в плечи. Влас замер, его тело напряглось.

– Больно? Я остановлюсь, – в его голосе была паника.

– Нет, – прошептала она, глядя в его глаза, полные муки

и заботы. – Не останавливайся. Просто... держи меня.

Он снова начал двигаться, но теперь его движения были еще более медленными, осторожными. Боль постепенно утихла, сменившись новым, странным и всепоглощающим чувством. Она чувствовала его целиком, каждую мышцу, каждый нерв. Его шепот в ухо был горячим и прерывистым: «Жень... моя... ты только моя...».

Он вел ее за собой, и она следовала, доверяя ему полностью. Вскоре ее собственное тело начало отвечать ему, подчиняясь какому-то древнему ритму. Стыд и страх растворились, уступив место чистой, животной страсти. Она обвила его ногами, притягивая к себе, желая быть к нему как можно ближе. Он чувствовал ее отклик, и его бережность начала уступать место нарастающему, неконтролируемому напору. Его движения стали быстрее, увереннее. Жень слышала его сдавленные стоны, чувствовала, как дрожат его мышцы. Она сама была на грани, ее тело вздрагивало в предвкушении неведомого пика.

– Я не могу... сейчас... – простонал он, и его лицо искажилось гримасой наслаждения и боли.

В последний момент он резко вышел из нее и, сдавленно крикнув, кончил ей на живот. Теплая жидкость обожгла кожу. Он рухнул на нее, тяжелый, мокрый от пота, и замер, беспомощно опустив голову ей на грудь. Они лежали так несколько минут, не в силах пошевелиться, слушая, как бьются их сердца, постепенно успокаиваясь. Потом Влас

поднялся на локоть и посмотрел на нее. В его глазах было что-то новое – нежность, смешанная с изумлением и какой-то мужской гордостью.

– Я тебя не поранил? – тихо спросил он, проводя пальцем по ее щеке.

Она покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. Она чувствовала себя другой – взрослой, принадлежащей ему, и от этого было и страшно, и бесконечно спокойно.

Он встал, принес мокрое полотенце и с невероятной бережностью вытер ее живот. Потом лег рядом, накрыл их обоих одеялом и притянул ее к себе. Она прижалась к его горячему телу, слушая его ровное дыхание.

За окном была холодная ноябрьская ночь, а в их маленьком мире царили тепло и тишина. Он не сказал «я тебя люблю». Но в его объятиях, в его заботе было все, что ей было нужно. Она знала – теперь они связаны навсегда. И фраза «Без тебя нельзя» из романтической клятвы превратилась в физическую реальность.

Глава 3

Та ноябрьская ночь стала точкой невозврата. Словно провало плотину, сдерживавшую бурную, мутную реку его желания. Теперь, как только мама Жени, Раиса Даниловна, уезжала в очередной рейс, ее хрущевка превращалась в их потайной мир, их вселенную, ограниченную стенами и занавешенными окнами.

Женя жила в новом ритме – от рейса до рейса. Она отсчитывала дни по маминым маршрутам: «Москва-Сочи», «Москва-Адлер», «Москва-Владивосток». Чем длиннее был рейс, тем больше часов они могли провести вместе. Она встречала его на пороге, и едва дверь захлопывалась, на них обрушивалась тишина, густая и звенящая, которую нарушало лишь прерывистое дыхание.

После той первой ночи что-то в Власе окончательно сорвалось с цепи. Его страсть была необузданной, всепоглощающей. Он приходил к ней, уже пылая изнутри, с тем самым огнем в зеленых глазах, который она помнила по их первым свиданиям, но теперь он стал ярче, опаснее. Он не просто желал ее – он жаждал обладать ею снова и снова, будто пытаясь впитать в себя всю ее сущность, всю ту тишину и спокойствие, которые она ему дарила.

Его поцелуи были не просто ласковыми. Они были иссушающими. Он прижимал ее к стене в прихожей, даже не дав

раздеться, его руки под юбкой, его губы на ее губах, шею, плечах – везде сразу. Он словно хотел запечатлеть ее всю, сразу, сию же секунду. Для Жени эти мгновения были и блаженством, и испытанием. Она тонула в нем, как в океане. Ее собственное тело, пробудившееся той ночью, теперь отвечало ему с такой же дикой, незнакомой ей силой. Она таяла, как воск под горячими пальцами, переставая быть собой и становясь частью его вихря.

Он действительно приходил не с пустыми руками. Отец, Ефим Сергеевич, видя, что сын наконец-то «взялся за ум» – подтянул учебу, не нарушал устав, исправно ходил в наряды, – смягчился. Карманные деньги Власа увеличились в разы. И он тратил их на нее. Он приносил дорогие конфеты в изящных коробках, которые Жена видела только на витринах, фрукты, не по сезону, духи с запахом, от которого кружилась голова. Однажды он привез огромного плюшевого медведя, такого большого, что его пришлось с трудом протаскивать в дверь. Они смеялись, как дети, запихивая медведя в угол комнаты.

– Зачем? – спрашивала Женья, смущенно улыбаясь, держа в руках очередной подарок.

– Хочу, – коротко отвечал он, притягивая ее к себе. – Хочу, чтобы у тебя все было. Все самое лучшее.

В этих словах сквозило не просто щедрость. Это было желание компенсировать. Компенсировать редкие встречи, компенсировать свое отсутствие, компенсировать ту про-

пасть, что лежала между его миром московских богатств и ее миром скромной хрущевки. Подарки были мостами, которые он спешно наводил, пытаясь соединить два берега.

Но главным подарком была его страсть. В ней не было той бережной нежности, что была в их первую ночь. Теперь в ней была ярость голодного зверя. Он раздевал ее быстро, почти торопливо, его пальцы обжигали кожу. Он изучал ее тело уже не как драгоценность, а как свою законную территорию, каждый изгиб, каждую родинку. Его ласки были властными, требовательными. Он мог часами ласкать ее, доводя до иступления, до немых молитв и стога, а потом резко войти в нее, заполняя собой все ее естество.

Для Жени это было сжигание. Она горела заживо в этом пламени, и ей это нравилось. В эти часы не было ни страха за будущее, ни ядовитых нашептываний Светки, ни скучной обыденности учебы. Был только он – его горячее тело, его сдавленные стоны, его шепот, хриплый и прерывистый: «Ты моя... Слышишь? Только моя...». Она чувствовала его собственничество каждой клеткой, и это рождало в ней ответное, дикое чувство принадлежности ему.

Иногда, после особенно бурного соития, когда они лежали мокрые и обессиленные, он становился снова тем мальчиком, который боялся ее спугнуть. Он гладил ее волосы, целовал пальцы и смотрел в потолок.

– Отец доволен, – говорил он как-то раз. – Говорит, видит во мне наконец продолжателя дела. Увеличил содержание.

Теперь, если все сдам, на каникулах можно будет съездить куда-нибудь. Я тебя с собой возьму.

Она не отвечала, просто прижималась к его плечу. Эти разговоры о будущем были такими же сладкими и нереальными, как его подарки. Море, Москва, институт... Она верила ему, потому что не верить значило сойти с ума. Но где-то глубоко внутри жил тот самый черный страх, который посеяла Светка. Но стоило ему снова прикоснуться к ней, как страх отступал. Его желание было лучшим лекарством от сомнений. Оно было физическим доказательством его потребности в ней. «Без тебя нельзя» – это была не просто фраза. Это был закон, который он снова и снова подтверждал своим телом. Он приходил к ней, едва выдавалась возможность, тратя деньги на такси, лишь бы провести с ней несколько часов. Она стала его наркотиком, его отдушиной, его спасением от ненавистного училища. А он стал для нее всей вселенной. Мир размером с ее комнату, он пах его кожей после душа, он был его тяжестью на ней. Она таяла в нем, теряла себя, и в этом саморазрушении обретала новое, пугающее и прекрасное чувство – полную, абсолютную принадлежность другому человеку. Они были двумя половинками в огненном сплаве, где уже нельзя было понять, где заканчивается он и начинается она. И в этом плавильном котле страсти все тревоги казались мелкими и незначительными. Было только здесь и сейчас. Было только «он».

Солнечный морозный денек звенел хрустальной пустотой.

Воздух был колючим и прозрачным, и каждый выдох превращался в маленькое облачко. Раиса Даниловна Рудакова шла от автобусной остановки к своему дому, с трудом волоча тяжелый чемодан с сувенирами из Сочи. Она устала смертельно. Рейс был сложным, пассажиры капризными, а мысли все время витали где-то далеко: как там Женя одна? Все ли в порядке?

Она мечтала о тишине, о горячем чае и о своей кровати. Но тишины в их дворе не бывало. На лавочке у подъезда, как неизменный атрибут пейзажа, сидели три местные бабушки-сплетницы, укутанные в платки и пальто. Они, как сторожевые псы, наблюдали за всем происходящим в микрорайоне, и возвращение Раисы Даниловны не ускользнуло от их цепкого взгляда.

Раиса попыталась пройти молча, кивнув им из вежливости, но одна из бабулек, тетя Капа, самая ядовитая, не выдержала.

– О, Рая, вернулась! – крикнула она, и голос ее скрипел, как несмазанная калитка. – Хорошо сходила?

– Ничего, нормально, – коротко бросила Раиса, не останавливаясь.

– То-то, нормально! – не унималась тетя Капа. – А ты в курсе, что у твоей Женьки хахаль ночует, пока тебя нет?

Раиса Даниловна замерла на месте, медленно повернулась. Усталость как рукой сняло. Ее лицо, помятое дорогой, стало каменным.

– Что? – тихо спросила она.

– А то! – подхватила другая, тетя Шура. – Парень видный, в форме речника. Такой шикарный, прямо как из кино. Машину, правда, свою не пригоняет, на такси приезжает. И уходит под утро. А мы-то все видим, у нас бессонница.

Тетя Капа, довольная произведенным эффектом, ехидно улыбнулась, обнажив единственный золотой зуб:

– Смотри, Рая, принесет тебе в подоле. Девка-то на выданье, гнездо вить начинает. А ты на работе, ничего не знаешь.

Секунду во дворе стояла такая тишина, что был слышен скрип ветки на морозе. Лицо Раисы Даниловны из бледного стало багровым. Она опустила тяжелый чемодан на снег, выпрямилась во весь свой невысокий рост и медленно, отчетливо выговорила, глядя на бабулек ледяным взглядом:

– А вам-то что? Вам что, дело до всех есть? Не вам же принесет.

Она взяла чемодан и, не сказав больше ни слова, гордо направилась к подъезду. За спиной у нее повисло оскорбленное молчание, а потом начался возмущенный шушушек: «Ах, какая неблагодарная!», «А мы из доброты!», «Сама потом узнает, да будет поздно!».

Раиса Даниловна зашла в подъезд, и тут вся ее гордая осанка исчезла. Она прислонилась к холодной стене, и у нее подкосились ноги. Сердце бешено колотилось. Не от злости на этих старух – они были ничтожны. От страха. Страх за дочь. «Хахаль. Ночью. Пока меня нет».

Она поднялась по лестнице, и каждая ступенька давалась ей с трудом. Рука дрожала, когда она вставляла ключ в замочную скважину. В квартире пахло тишиной и... чем-то чужим. Мужским одеколоном? Или ей показалось?

– Женя? – громко позвала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Из комнаты вышла дочь. Лицо у нее было спокойное, даже счастливое. Слишком счастливое для обычного дня.

– Мама! Ты уже! Я тебя не ждала до вечера!

Они обнялись, но Раиса Даниловна чувствовала легкое напряжение в плечах дочери. Ее зоркий глаз, привыкший за годы работы замечать малейшие детали, сразу уловил следы чужого присутствия.

– Отдохни, мам, я чай поставлю, – засуетилась Женя, стараясь отвести маму в комнату.

Но Раиса Даниловна не двигалась с места. Она смотрела на дочь, и сердце ее сжималось от предчувствия беды. Она видела в ее глазах тот самый блеск, который бывает только у влюбленных девушек. И тот самый страх, который прячется за этим блеском.

«Вам-то что? Не вам же принесет». Своим же словам, брошенным в лицо сплетницам, она не верила. Потому что это ей, Раисе Даниловне, предстояло разбираться с последствиями. Ей предстояло смотреть в глаза дочери, которая, возможно, уже не была просто девочкой. И ей было страшно. Страшно, что этот «хахаль», этот «видный, как из кино», ломает

ее тихую, скромную Женю. Что он – из другого мира, того, где все легко дается и так же легко бросается.

Она молча прошла в свою комнату, села на диван и закрыла лицо руками. Вернуться из долгого рейса всегда было трудно. Но сегодня было труднее всего. Потому что она вернулась в другой дом. В дом, где уже жил кто-то чужой. И этот кто-то мог уйти так же легко, как и вошел, оставив после себя не только запах одеколона, но и сломанную жизнь ее дочери.

Раиса Даниловна сидела на краю своего дивана, не в силах снять пальто. Руки бессильно лежали на коленях, в них замерзшими сосульками были зажаты перчатки. Слова бабулек звенели в ушах, как набат: «Хахаль... Смотри, принесет в подоле».

И вдруг, сквозь этот гул ревности, страха и обиды, прорвалась другая мысль, острая и точная, как укол иглой. А когда-то и про нее, Раю, шептались соседки. «Райка с папиками за бугор ездит, там уж точно не только билетики проверяет». А она... а она просто любила. Любила по-настоящему, до головокружения, до забывтья, до того, что готова была бросить все и уехать на край света за тем, чьи глаза казались ей бездонным морем.

Тот самый пассажир из Ленинграда, инженер с мягким говором и грустными глазами. Он ездил в их поезде несколько раз, всегда с книгой, всегда один. Они разговорились у купе проводников, пили чай, смеялись. Он был женат, у него бы-

ла жизнь там, в северной столице, о которой она могла только мечтать. Но на несколько дней пути их вагон становился их миром. Она любила его тихо, отчаянно, зная, что это безнадежно. Любила так, что готова была принять любое его решение. А решением стал лишь адрес на клочке бумаги и обещание писать. Письма приходили редко, а потом и вовсе прекратились. А она осталась с его ребенком под сердцем.

Она посмотрела на дочь, которая хлопотала на кухне, гремела чашками. Женя. Евгения. Имя, которое он однажды обмолвился, что считает самым красивым. Ее девочка. Плод той самой, единственной, обжигающей и горькой любви. Ее родители помогли вырастить ей дочь. Не упрекнули ни разу за то, что она родила без мужа.

И вдруг, как волной, ее накрыло осознание. Ее девочка... тоже имеет право любить. Имеет право на эту боль, на эту радость, на это безумие. Имеет право обжечься или, может быть, найти свое счастье. Кто она такая, чтобы запрещать? Та, чья собственная молодость прошла под перешептывания за спиной?

Она медленно поднялась и вошла в кухню. Женя ставила на стол чайник, ее движения были слегка суетливыми, взгляд ускользал. Раиса Даниловна была не глупой женщиной. Она видела новую вазочку на тумбочке, дорогие духи на полке, которые Женя скромно называла «подарили на день рождения». А этот огромный плюшевый медведь в углу! Он стоил половины ее месячной зарплаты. Она все понимала. Пони-

мала, что у дочери появился кто-то. Серьезный, с деньгами, судя по всему. Но почему же Женя молчала? Почему прятала его, как краденую вещь? Этот вопрос жег сильнее всего. Неужели она боялась? Не доверяла матери? Или... или этот парень сам не хотел знакомства? Может, он стеснялся их скромной хрущевки, ее работы проводницы? Мысль была горькой, как полынь.

– Жень, – тихо сказала Раиса Даниловна.

Дочь вздрогнула и обернулась. В ее глазах читалась готовность к бою, к оправданиям.

– Мама, садись, чай сейчас...

– Садись сама, – мать указала на стул напротив. – Давай поговорим. Не как мать с дочерью, а как женщина с женщиной.

Женя медленно опустилась на стул, сжимая в руках салфетку.

– Я не слепая, дочка, – начала Раиса Даниловна, и голос ее дрогнул. – Я вижу подарки. Вижу, что ты... светишься. И сегодня во дворе мне любезно сообщили, что у тебя бывает молодой человек.

Женя побледнела и опустила глаза.

– Мама, я...

– Подожди, – мать подняла руку. – Мне не нужно оправданий. Мне нужно понять одно. Почему? Почему ты мне о нем ничего не говоришь? Я что, такая страшная? Я тебя когда-то упрекала? Что-то запрещала?

В глазах Жени выступили слезы.

– Нет, мам... Просто... он особенный. И все такое... сложное. Я боялась, что ты не поймешь.

– Что именно я не пойму? – спросила Раиса Даниловна мягко. – Что он из богатой семьи? Что он курсант? Или то, что ты его очень сильно любишь?

Женя с удивлением посмотрела на мать. Та улыбнулась, и в ее улыбке была вся мудрость и боль прожитых лет.

– Доченька, я тоже когда-то была молода. Я тоже любила. И от той любви появилась на свет ты. Самое дорогое, что у меня есть. И я не хочу, чтобы ты меня боялась или стеснялась. Если он тебя любит, если он честный парень... то чего он боится? Чего боишься ты?

Она встала, подошла к дочери и обняла ее за плечи.

– Приведи его в дом. Я хочу на него посмотреть. Не для того, чтобы допрашивать. А для того, чтобы познакомиться с человеком, который делает мою девочку счастливой. Хорошо?

Женя прижалась к матери и кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Это была не просто просьба. Это было признание. Признание ее права на любовь, на ошибки, на свою собственную жизнь. И в этот момент страх перед сплетнями, перед будущим, перед тем, «что скажут люди», отступил. Остались только они две – женщина, которая когда-то обожглась о любовь, и девушка, которая только-только вступала в ее пламя.

Глава 4

Новость о том, что мама все знает, повисла между ними тяжелым грузом. Женя сообщила об этом Власу в их следующую редкую встречу, в том же скверике у ее дома. Она боялась его реакции – насмешки, раздражения, нежелания усложнять и без того непростые отношения.

– Влас, – начала она, глядя куда-то в сторону, на голые ветки деревьев. – Мама... мама хочет с тобой познакомиться.

Она ждала чего угодно: тяжелого вздоха, вопроса «Зачем?», привычной дерзкой шутки, чтобы отмахнуться от темы. Но его реакция была иной.

Влас, который секунду назад лениво перебирал ее пальцы, вдруг оживился. Его зеленые глаза, всегда насмешливые или полные огня желания, стали серьезными и даже, показалось Жене, обрадовались.

– Правда? – переспросил он, поворачивая ее лицо к себе. – Seriously?

– Да, – кивнула Женя, все еще ожидая подвоха. – Она сказала... привести тебя в дом. Если ты, конечно, не против.

На лице Власа расплылась широкая, самая что ни на есть искренняя улыбка. Та самая, что делала его похожим не на циничного курсанта, а на мальчишку.

– Против? Я только за! Это же прекрасно! Наконец-то я

перестану быть каким-то призраком, который пахнет одеколоном в прихожей.

Он обнял ее крепко, по-своему, немного грубовато, но от этого еще более надежно.

– Конечно, я приду. В следующую увольнительную. Скажи ей.

Женя выдохнула с облегчением, которого сама от себя не ожидала. Ее мир, который до этого был разделен на две враждующие половины – тайную, страстную жизнь с ним и обыденную с мамой, – вдруг снова стал целым. И мостом между этими половинами стал он сам.

Он явился не с пустыми руками. Это было видно сразу, как только он переступил порог их хрущевки в следующую субботу. Влас стоял в прихожей, неловко стряхивая с формы мокрый снег, и казался вдруг очень молодым и уязвимым. В одной руке он сжимал огромный букет для Раисы Даниловны – не алые розы, а элегантные белые хризантемы и ирисы, что сразу говорило о вкусе. В другой – тяжелый крафтовый пакет, из которого торчала коробка с тортом и упаковки с заморскими фруктами.

– Проходи, проходи, Влас, не стесняйся, – сказала Раиса Даниловна, и в ее голосе Женя с радостью уловила не формальную вежливость, а неподдельное участие.

Он разулся, старательно поставил ботинки аккуратно, и вошел в комнату. Его осанка, всегда такая уверенная, сейчас была прямой от волнения. Он вручил букет Жениной маме.

– Раиса Даниловна, это вам. Очень приятно с вами познакомиться официально.

– Спасибо, красота какая, – мама взяла цветы, и Женя увидела, как ее пальцы на мгновение прикоснулись к лепесткам, будто проверяя их на реальность. – И зачем столько всего? Не стоило так тратиться, – она кивнула на пакет.

– Пустяки, – отмахнулся Влас, но было видно, что для него это не пустяки. Он хотел произвести впечатление, и не богатством, а уважением.

За чаем с тортом первая неловкость постепенно растаяла. Влас, к удивлению Жени, не пытался казаться темным и загадочным. Напротив, он был необычайно открыт. Он рассказывал о училище, о своих планах, глядя Раисе Даниловне прямо в глаза.

– После выпуска я буду поступать в академию, – говорил он, отламывая кусочек торта. – В академию водного транспорта. Отец настаивает, и я понимаю – без высшего образования в нашем деле никуда. Нужно знать теорию, не только практику.

– Это правильно, – кивала Раиса Даниловна, внимательно слушая. – Образование – это стержень.

– И Женя, – Влас повернулся к девушке, сидевшей рядом и молча наблюдавшей за этим диалогом, – тоже обязательно должна институт закончить. Училище это не серьезно. У нее светлая голова. Она сможет.

В его голосе звучала не просьба, а твердая уверенность.

Он уже видел их общее будущее и строил его, как проект. Разговор коснулся и более серьезных тем. Раиса Даниловна, не поднимая прямо щекотливого вопроса, как-то обмолвилась о том, что жизнь – штука сложная, и молодым важно быть друг за друга горой.

И тут Влас сделал то, от чего у Жени перехватило дыхание. Он положил свою большую ладонь поверх ее руки, лежавшей на столе, и посмотрел на ее маму с предельной, мужской серьезностью.

– Раиса Даниловна, я прекрасно понимаю всю ответственность. Я понимаю, какое сокровище мне доверено.

Он не смотрел на Женю, говоря это, его взгляд был прикован к лицу ее матери. И тогда он произнес слова, которые в устах другого двадцатилетнего парня могли бы показаться пафосными или фальшивыми, но из его уст они прозвучали с такой чеканной твердостью, что в них нельзя было усомниться:

– Я понимаю ответственность за девушку, которая доверила мне свою невинность. И я эту ответственность на себя принимаю. Полностью.

В комнате повисла тишина. Женя покраснела до корней волос, опустив глаза в свою чашку. Она не ожидала такой прямоты. Но, подняв взгляд на маму, она увидела не шок или неловкость, а глубокое, спокойное понимание. Лицо Раисы Даниловны смягчилось, в уголках губ дрогнула едва заметная улыбка одобрения. Ей, женщине, живущей непростую

жизнь, эта прямая, без обиняков и ложного стыда, мужская позиция понравилась. В ней была честь.

Больше этот вопрос не поднимался. Они пили чай, говорили о будущем, о Москве, куда Власу предстояло уехать учиться. И когда он уходил, уже в сумерках, Раиса Даниловна, провожая его к двери, сказала просто:

– Приходи еще, Влас. Буду рада.

Дверь закрылась. Женя обернулась к матери, ожидая вердикта. Раиса Даниловна молча подошла к столу и стала собирать чашки. Потом остановилась и посмотрела на дочь.

– Сильный парень, – произнесла она задумчиво. – И глаза у него честные. Руки сильные. Работать ими не боится, видно. – Она помолчала, а потом добавила то, что для Жени значило больше любых слов, – За такого можно и подождать.

В ту ночь Женя засыпала с ощущением, что земля под ногами стала тверже. Его прямая речь, его готовность смотреть в глаза ее маме, его планы, в которых было место и для нее, – все это развеивало страхи, навеянные Светкой. Он не прятался. Он приходил в ее мир с цветами и с честными намерениями. И ее мир принимал его.

А Влас, возвращаясь в училище, чувствовал необычайный подъем. Он прошел еще одно важное испытание. Не отцовское, не учебное, а человеческое. И прошел его с честью. Теперь его путь к Жене был официально благословлен. И это делало его еще более уверенным в их общем будущем. «Без тебя нельзя» – это теперь касалось не только их двоих. Это

входило в более широкий, семейный контекст. И это было по-взрослому.

После того визита и молчаливого материнского благословения что-то в отношениях Власа и Жени окончательно встало на свои места. Исчезла необходимость в тайне, в быстрых, украдкой свиданиях. Теперь, когда Раиса Даниловна уезжала в рейс, Влас мог приходить в их дом открыто, как законный гость. Но сама жизнь курсанта оставляла им катастрофически мало этих драгоценных часов наедине. Наступила зима. Первая их разлука, когда Влас уехал на Новый год домой. Ее слезы и уверения матери, что он должен побывать дома. Он должен показаться родителям. А потом он приехал, поселился в гостинице. И они несколько дней гуляли по городу, ездили в областной центр, ходили на каток. Несколько дней зимних каникул пролетели незаметно.

А потом пришла весна, время зачетов и экзаменов. Увольнительные стали редкими, как солнечные дни в ноябре. Их главной нитью, связующей мира, стал телефон. Точнее, бесконечная переписка. Если раньше звонки были короткими и деловыми – «Завтра с двух до девяти, встречаемся?» – то теперь они утонули в потоке сообщений. Это были их настоящие, ежедневные свидания.

Для Власа это стало навязчивой идеей. Его дорогой смартфон, ранее служивший символом статуса и инструментом для быстрых связей, превратился в окно в единственно важный для него мир. Он ловил каждую свободную секунду. В

короткие перерывы между парами, в очередь в столовой, перед отбоем, укрывшись с головой одеялом. Его пальцы летали по экрану, выдавая длинные, подробные, порой несвязные сообщения.

Он описывал ей все: глупость старшины, красоту замерзшей Волги, смешной случай на навигации. Он жаловался на скудость училищной еды и тут же, через слово, писал, как соскучился по ее рукам, по запаху ее волос, по тишине ее комнаты. Он стал писателем, поэтом, летописцем своей любви. Эта переписка была для него не менее важной, чем их физическая близость. В ней он мог быть тем, кем хотел, – не курсантом, не сыном Лазарева, а просто влюбленным парнем по имени Влас.

Однажды в их единственный выходной, когда после недели напряженной учебы весь кубрик отсыпался до обеда, Влас снова уткнулся в экран. Свет от него был единственным в полумраке комнаты, залитой утренним солнцем. Он писал Жене о том, как представлял ее рядом, когда вчера смотрел на закат из окна своего кубрика.

Тишину разорвал сонный, раздраженный голос с соседней койки. Это был Димка, тот самый коренастый бабник.

– Лазарь, кончай сочинения писать, задолбало пиликанье, – проворчал он, переворачиваясь на другой бок и натягивая одеяло на голову. – Единственный выходной, не даешь отоспаться. Совсем крышей съехал от девчонки.

В кубрике кто-то сонно хмыкнул. Влас промолчал, стис-

нув зубы, но пальцы продолжали печатать. Он не хотел ссоры, не хотел портить редкий день.

Но Димка, не получив ответа, решил подлить масла в огонь. Он приподнялся на локте, и в полумгле Влас увидел его усмехающееся лицо.

– Когда уже наиграешься? – Димка зевнул. – Не дала еще? Соблазняешь, что ли, как последнюю пацанву? Или она из тех, что за кольцо с бриллиантом?

Фраза «не дала еще» прозвучала как плевков в душу. Она оскверняла все, что было между ним и Женей – их доверие, их страсть, их взаимную принадлежность. Это было не просто бытовое хамство, это было оскорбление самой сути их чувств.

Влас отложил телефон. Движение его было медленным и зловеще спокойным. Он спустил ноги с койки и встал во весь свой рост. В кубрике повисла напряженная тишина – все, даже те, кто делал вид, что спит, почувствовали, как сгустился воздух.

– Повтори, – тихо, почти без интонации, сказал Влас, глядя на Димку.

Тот на секунду опешил. Он привык, что Влас парирует его колкости едкими шутками или просто игнорирует. Но сейчас перед ним стоял не насмешливый однокурсник, а нечто иное. Плечи Власа были напряжены, взгляд был абсолютно пустым и холодным, как лед.

– Да чего разнылся, – попытался отшутиться Димка, но

голос его дрогнул. – Шутка же.

– Это не шутка, – голос Власа оставался тихим, но в нем зазвенела сталь. – Это оскорбление. Моей девушки. И меня. Повтори, что ты сказал.

Он сделал шаг к его койке. Димка невольно отпрянул к стене. Он был коренастым и сильным, но против Власа, с его спортивной выправкой и яростью, копившейся месяцами училищного гнета, у него не было шансов. Все в кубрике поняли это.

– Лазарь, да ладно, дурак он, – попытался вступиться Серега с соседней койки.

Влас не повернул головы. Его взгляд был прикован к Димке.

– Я жду.

Димка сглотнул. Гордость не позволяла ему полностью сдаться, но страх был сильнее.

– Ладно... проехали. Я погорячился.

– Не «проехали», – Влас подошел вплотную. – Ты сейчас извинишься. Полноценно. За Женю. И даешь слово, что ни ее, ни наши с ней отношения твой грязный рот больше никогда не будет обсуждать. Понял?

Он не кричал. Он говорил тихо, но каждое слово било точно в цель. Димка молча кивнул, не в силах выдержать его взгляд.

– Извини, – пробормотал он. – Не надо было так.

– Не «так», – поправил Влас. – Ты извиняешься за свои

слова. Конкретно.

– Извиняюсь... за свои слова, – выдавил из себя Димка.

Влас постоял еще мгновение, давая понять, что инцидент исчерпан только на его условиях. Потом развернулся, молча вернулся на свою койку и снова взял в руки телефон. Набрав сообщение, он дописал: «Прости за паузу. Разбирался с одним говнюком. Сейчас все тихо. Так о чем я? Ах да, о закате...»

В кубрике еще несколько минут царила гробовая тишина. Все поняли простую вещь: Женя для Власа была не «девчонкой с района», не временной забавой, не очередной «телочкой». Она была его территорией, его святыней, его линией, переступить которую было смертельно опасно. После этого случая шутки в их адрес прекратились раз и навсегда.

А Влас, отправляя свое длинное сообщение, чувствовал странное удовлетворение. Он защитил ее. Даже здесь, в этом душном кубрике, где висели постиранные носки и трусы, вдали от нее. Его слова в переписке и его поступки здесь были частью одного целого – его обещания, его кредо. «Без тебя нельзя» – это значило быть ее защитой всегда и везде. Даже если эта защита выглядела как голая агрессия. Это был его язык, единственный, который понимали в этом мире. И на этом языке он поклялся, что никто и никогда не посмеет осквернить то, что было для него смыслом.

Глава 5

Наступил тот последний день. Воздух в мае был густым и сладким от цветущих акаций, но для Жени он был горьким, как полынь. Этот день, которого она так боялась и который все равно настал, как неизбежный приговор.

Влас должен был уехать. Его ждала первая практика, его первое плавание. Но это был не просто отъезд. Это был его осознанный выбор, о котором он сообщил ей несколько недель назад, сияя от гордости.

– Я не пойду на отцовском судне, – сказал он тогда, сжимая ее руки. – Я устроился на «Волгодон». Это старая, но надежная посудина. Ходит по Волге. И знаешь, что самое главное? – Его глаза горели азартом. – Он проходит мимо твоего города. Два раза в рейс. Я буду видеть твой берег, твой мост. А когда у нас будет короткая стоянка на разгрузку, я смогу сбежать к тебе. Или ты ко мне. Всего на несколько часов. Но это лучше, чем ничего. Это лучше, чем быть у отца на поводке и не иметь ни одного шанса тебя увидеть.

Для Жени эта новость стала лучом света в надвигающейся тьме разлуки. «Волгодон» стал не просто судном, а символом их связи, мостом через предстоящие месяцы. Он будет проплывать мимо, она будет выходить на мост и махать ему, а он – смотреть на нее. Это была их тайная, отчаянно-романтическая схема.

И вот этот день настал. Мама, Раиса Даниловна, вернулась из рейса накануне. Она все понимала. Увидев их лица – озабоченные любовью и искаженные болью предстоящей разлуки, – она просто вздохнула, переоделась и, взяв сумку, объявила:

– Я сегодня ночую у тети Гали. Утром вернусь. Вы тут... не скучайте.

Она посмотрела на Власа не как на мальчика, а как на мужчину, и в ее взгляде был и наказ, и доверие. «Береги ее».

Дверь закрылась, и они остались одни в квартире, погружающейся в вечерние сумерки. Эта ночь была подарком. Последняя ночь.

Она была иной, чем все предыдущие. В ней не было торопливой, жадной страсти, что раньше сжигала их дотла. Сегодня все было иначе. Медленно, осознанно, как священнодействие.

Он вел ее в комнату, и его поцелуи были не иссушающими, а прощающимися. Он словно хотел запечатлеть в памяти каждую пядь ее кожи, каждый вздох, каждую дрожь.

– Я буду помнить тебя всю, – прошептал он, снимая с нее платье с такой бережностью, будто оно было соткано из утренней росы.

Он любил ее везде. Не только в кровати. Он прижал ее к стене в прихожей, где когда-то начинались их страстные схватки, и теперь его ласки были до болезненности нежными. Он опускался на колени перед ней, целуя ее живот, бед-

ра, внутреннюю сторону коленей, как паломник, поклоняющийся святыне. Каждый раз, чувствуя приближение кульминации, он, с трудом контролируя себя, выходил из нее, чтобы, сдавленно застонав, излиться на ее кожу – на живот, на грудь, на спину. Теплая сперма обжигала ее, становясь физическим доказательством его страсти и их риска. Он, тяжело дыша, смотрел на нее полными извинения и блаженства глазами, а потом нежно вытирал ее принесенными из ванны влажным полотенцем, прежде чем снова привлечь к себе, чтобы начать все сначала. Он укладывал ее на ковер в гостиной, и лунный свет, пробиваясь сквозь занавески, рисовал серебристые дорожки на их сплетенных телах. Он был бесконечно изобретателен и внимателен. Ставил ее на колени, усаживал на себя. Каждое прикосновение было словом в длинном, страстном прощальном письме. Он не просто брал ее – он пил ее, вдыхал, старался вобрать в себя, чтобы хватило на долгие месяцы вперед. Он шептал ей на ухо не только о своей любви, но и о том, как будет скучать, как будет ждать этой встречи на мосту, как будет вспоминать эту ночь в своей каюте, в одиночестве.

– Ты почувствуешь, как я смотрю на тебя с палубы, – говорил он, а его губы скользили по ее шее. – Выйдешь на мост, и я тебя увижу. Обязательно увижу.

Женя отвечала ему с такой же самоотдачей, забыв о стыде, о времени, обо всем на свете. Она сама вела его руки, сама целовала его тело, сама старалась впечатать в себя каждый

мускул его тела, каждый жест. Слезы катились по ее вискам и смешивались с его потом, но это были не только слезы горя, но и огромной, всепоглощающей любви.

Когда наступил рассвет, они, изможденные и обессиленные, лежали в обнимку на ее девичьей кровати. Он не спал. Он смотрел на нее, запоминая ее черты в утреннем свете.

– Я вернусь, – сказал он твердо. – Это всего лишь полгода. А потом... а потом мы будем вместе. Навсегда.

Они молча собрались. Он надел свою гражданскую одежду, и в ней он снова стал чужим, тем московским парнем, у которого была другая жизнь. Они вышли из дома. На улице было пустынно и свежо. На автобусной остановке он обнял ее в последний раз, так крепко, что у нее перехватило дыхание.

– Жди меня, – он прошептал ей в волосы. – Мне без тебя нельзя. Помнишь?

– Помню, – еле слышно выдохнула она.

Автобус подъехал. Двери открылись с шипением. Он наклонился, последний раз поцеловал ее в губы – быстро, сильно, на прощание – и прыгнул в салон. Двери закрылись.

Женя стояла и смотрела, как автобус уезжает, превращаясь в точку. Она не плакала. Внутри у нее была ледяная пустота. Она вернулась в пустую квартиру, где еще пахло им, легла на кровать, на которой остался след его тела, и закрыла глаза. Впереди были долгие дни ожидания. Но у них был план. Он будет звонить ей. Она будет выходить на мост и

махать ему. А он будет смотреть на нее с палубы. Это была их тонкая, почти невидимая нить, связывающая два берега реки и две половинки их разбитого надвое мира.

Автобус тронулся, отрывая его от нее, от всего, что стало за эти месяцы смыслом. Влас прислонился к стеклу, глядя на удаляющуюся, застывшую у остановки фигурку. Сердце сжалось в комок ледяной боли. Но вместе с болью была и стальная решимость. Решимость, которую он отстоял не только в стычках с однокурсниками, но и в куда более важном разговоре – с отцом.

Мысленно он вернулся в тот вечер. Кабинет Ефима Сергеевича в московской квартире. Дорогой коньяк в хрустальных бокалах, пахнувший дубом и деньгами. Отец, откинувшийся в кожаном кресле, только что закончил рассказывать о новом проекте, о месте для Власа на одном из своих современных судов, «где есть все условия, даже спутниковый интернет».

И вот Влас сказал то, что готовил несколько дней:

– Отец, я принял решение. Я не пойду на твоём судне. Я договорился о практике на «Волгодоне».

Тишина в кабинете стала густой и звенящей. Ефим Сергеевич медленно поставил бокал на стол. Его взгляд, всегда такой пронзительный и расчетливый, стал тяжелым, как свинец.

– Повтори, – произнес он тихо, без эмоций. Это был не просьба, а требование. Тон, который предвещал бурю.

Влас не сломался. Он выдержал этот взгляд, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Он был уже не мальчишкой, которого можно было запугать.

– Я сказал, что иду на «Волгодоне». Это старое судно, ходит по Волге. Без особых удобств.

– И в чем причина этого... великолепного порыва? – голос отца зазвенел ледяной насмешкой. – Жажда подвигов? Желание испытать лишения? Или ты просто хочешь сделать назло мне?

Влас глубоко вдохнул. Самый сложный момент был сейчас. Он мог соврать, придумать что-то о самостоятельности и закалке характера. Но он решил быть честным. Потому что его причина была единственной и главной.

– Причина – Женя.

Он видел, как брови отца поползли вверх от удивления. «Женя?» – в этом одном слове было столько презрительного недоумения, что Влас сжал кулаки.

– Ты отказываешься от прекрасного старта, от моего покровительства, от комфорта ради какой-то... девочки из провинции? – Ефим Сергеевич покачал головой, будто услышал нечто совершенно идиотское. – Влас, я думал, ты повзрослел. А ты ведешь себя как романтичный юнец из дешевого романа.

Вот тут Влас и взорвался. Не криком, а тихим, но полным достоинства ответом.

– Это не «какая-то девочка». Это моя девушка. И мое ре-

шение – не романтика, а стратегия. На твоём судне я буду на виду, под твоим колпаком. У меня не будет ни единого шанса вырваться к ней. Рейсы будут долгими, в другие воды. А «Волгодон»... – он сделал паузу, глядя отцу прямо в глаза, – «Волгодон» проходит мимо её города. Два раза в рейс. У нас будут короткие стоянки. Я смогу её видеть. Это единственный способ пережить эту навигацию и... остаться вместе.

Он выложил все. Всю свою, как казалось со стороны, отчаянную и наивную схему. Он ждал нового взрыва, насмешек, ультиматума. Но реакция отца оказалась иной. Ефим Сергеевич откинулся в кресле, сложил пальцы домиком и уставился в окно, за которым горели огни ночной Москвы. Минуту, другую в кабинете царила тишина. Лицо его потеряло выражение презрения, стало просто задумчивым, уставшим.

Когда он наконец заговорил, его голос был непривычно мягким, без привычной стали.

– «Волгодон»... Старая посудина. Капитан там – Степаныч, мой старый знакомый. Суровый волк, халявить не даст. – Он перевел взгляд на Власа, и в его глазах Влас с удивлением увидел не гнев, а что-то похожее на уважение. – Ты выбрал не легкий путь. Ты выбрал путь, где тебе никто не будет делать скидку на фамилию. Где придется вкалывать по-настоящему. Пахать, как последний матрос.

Он снова помолчал, а потом произнес то, чего Влас не ожидал услышать никогда:

– Я рад.

Влас не поверил своим ушам. «Я рад?»

– Я рад, – повторил Ефим Сергеевич, – что эта... Женя... стала причиной твоего взросления. Не очередной дурацкой выходки или бунта ради бунта. Ты думаешь. Думаешь о том, как сохранить то, что тебе дорого. И ради этого готов на трудности. Понимаешь? – Отец встал и подошел к окну. – На моих судах ты будешь папеньким сыночком, пассажиром. А на «Волгодоне»... там ты будешь мужчиной. Может, впервые по-настоящему.

Он обернулся к сыну. В его улыбке была странная смесь грусти и гордости.

– Ничего. Хлебни жизни, сынок. Хлебни. Познай, что такое настоящая работа, настоящая усталость, тоска по дому... и ради кого это все терпишь. Это... закаляет. А мать я успокою.

Этот разговор стал для Власа вторым, не менее важным, благословением. Отец, человек, чьего одобрения он бессознательно жаждал всю жизнь, не просто согласился. Он понял. Понял глубинную причину его поступка. И в этом понимании была не просто санкция на практику, а признание его права на свою жизнь, свои решения, свою любовь.

Влас очнулся от воспоминаний. Автобус уж выезжал на окружную дорогу.

Глава 6

Если беседа с отцом подарила Власу ощущение крыльев за спиной, то разговор с матерью, случившийся днем ранее, оставил в душе глубокую, ноющую занозу. Ту самую, что напоминала о себе в самые тихие минуты.

Таисия Михайловна Лазарева была полной противоположностью своему властному мужу. Мягкая, уютная, вся состоящая из трепетной, почти болезненной любви к своему младшему, позднему сыну. Старший, Клим, уже давно выпорхнул из гнезда, жил своей жизнью, и все материнские надежды, вся нерастраченная нежность сосредоточились на Власе. Он был ее сюрпризом, ее чудом, рожденным, когда ей было под сорок, – ребенком, за которым она следила с тем страхом и обожанием, которые свойственны матерям, получившим подарок судьбы на склоне лет.

Когда Влас, стараясь быть максимально тактичным, сообщил ей о своем решении, лицо ее сначала просто поблекло от непонимания.

– На... на каком «Волгодоне»? – переспросила она, будто не расслышала. – Власик, ты шутишь? Папа же все устроил. Там и условия, и безопасность... – Ее рука непроизвольно потянулась к нему, как будто она хотела удержать его рядом, не дать уйти.

– Мам, мне это важно, – пытался объяснить он, но уже

чувствовал, как нарастает волна паники в ее глазах.

– Важно? Что может быть важнее твоей безопасности? – голос Таисии Михайловны задрожал. – Это она, да? Эта... Женья? Ты ради нее на этот... на этот ржавый кораблик?

Вот тогда и началось то, что Влас с ужасом назвал бы потом истерикой. Но это была не истерика злобы или эгоизма. Это была истерика животного, инстинктивного страха. Страх потерять свое дитя.

– Влас, одумайся! – рыдала она, хватая его за руку. – Тебе только еще исполниться двадцать! Это первая любовь, она пройдет! Я тебя умоляю! Ты мой поздний, ты мой самый любимый... Я не переживу, если с тобой что-то случится на этой ржавой посудине! Там же никаких условий! Ты заболеешь, утонешь... – Она не могла даже договорить, ее душили рыдания.

Он пытался успокоить ее, сказать, что все будет хорошо, что капитан – опытный, но она была глуха к доводам разума.

– Клим – он уже взрослый, самостоятельный, а ты... ты еще мальчик! Отец после этой навигации бы тебя сразу в институт перевел! Все было бы гладко, безопасно! А ты... ты бросаешься в эту грязь, в эти лишения! Ради чего? Ради мимолетного увлечения?

Он смотрел на нее, на ее искривленное горем лицо, и чувствовал жгучую жалость и одновременно раздражение. Ее любовь душила его. Она не видела в нем мужчину, она видела вечного ребенка, которого нужно оберегать от малейшей

опасности.

Самым жестоким ударом стало ее последнее слово в этой ссоре. Она, вытирая слезы, посмотрела на него с горьким упреком:

– Я не понимаю... Мы с отцом столько лет ждали тебя, молились о тебе... И вот теперь... ты так легко рискуешь всем, что у нас есть? Всем, что мы для тебя построили? Ради девочки, которую ты знаешь всего несколько месяцев?

Это было уже слишком. В ее словах был не просто страх, а упрек в неблагодарности. Упрек в том, что он не ценит свой статус «выстрадавшего ребенка», свою особенность.

– Хватит! Женя не увлечение! – его собственный голос прозвучал хрипло. – Хватит, мама. Я не вещь, за которую нужно молиться. Я взрослый человек.

– Нет! Ты мой сын! – всхлипнула она. – Мой маленький мальчик! И я не позволю тебе сломать себе жизнь!

В тот момент Влас понял, что любой дальнейший разговор бессмыслен. Ее материнский инстинкт был сильнее любых доводов. Он посмотрел на нее – на свою мать, всю жизнь дрожавшую над ним, – развернулся и вышел из комнаты, намеренно громко хлопнув дверью. Он ушел, оставив ее в слезах, и этот поступок терзал его. Он понимал, что причинил ей боль, боль от осознания, что ее малыш вырос и хочет жить своей жизнью, пусть и полной риска. Но эта боль не отменяла того, что ее любовь была клеткой. И он, чтобы выжить, чтобы дышать, должен был из этой клетки вырваться. Отпе-

чаток от того разговора остался – болезненный, как чувство вины. Отец увидел в его поступке мужчину. Мать – предательство ее материнской жертвенности. И эта пропасть в понимании ранила сильнее всего. Он знал, что своей любовью к Жене он нанес рану самой любящей его женщине. И это знание было тяжелым грузом, который он теперь увозил с собой в неизвестность.

Влас очнулся от воспоминаний. Автобус уже выехал на трассу, городские дома сменились полями. На экране ее последнее смс: «Я буду ждать. Всегда».

Он знал, что выбрал правильный путь. Самый трудный, но единственно верный. Путь к ней. Путь, на котором ему предстояло доказать свою правоту не только отцу, не только матери, но, в первую очередь, самому себе. И каждое препятствие на этом пути – будь то тяжелая работа на «Волгодоне» или холодное непонимание в глазах матери – делало его только сильнее в своей решимости. Потому что в конце этого пути была она. Его единственная и такая желанная правда.

Пока Влас трясся в поезде, ловя редкие сигналы сотовой связи, чтобы отправить Жене короткое «Все хорошо, спускаю», в просторной московской квартире Лазаревых царил гнетущая атмосфера, длившаяся уже два дня. Воздух был густым от невысказанных упреков и горького запаха материнских слез.

Таисия Михайловна не унималась. Она ходила за мужем по пятам, ее обычно мягкое лицо было искажено страдани-

ем.

– Ефим, ну скажи ему! Верни его! – голос ее срывался на шепот, полный отчаяния. – Он же погубит себя! Этот «Волгодон»... я читала, им еще в прошлом году рейс запрещали из-за износа! Ты хочешь, чтобы наш мальчик... наш поздний... – она не могла договорить, закатываясь в новом приступе рыданий.

Ефим Сергеевич молча терпел, ворочаясь в кресле с газетой, которую не мог читать, или отворачиваясь к окну, но ее слезы действовали на него, как кислота. Он ненавидел видеть любимую Тасю в таком состоянии. Ее слезы всегда были его слабым местом, тем рычагом, с помощью которого она десятилетиями добивалась своего. Но сейчас что-то в нем сопротивлялось.

– Тасенька, хватит, – пробормотал он на второй день, пытаясь обнять ее. – Решение принято. Мужчиной становится. Это правильно.

– Правильно? – она отшатнулась от него, глаза сверкали сквозь слезы. – Правильно – бросить все преимущества, блестящее будущее и пойти матросом на дырявое корыто? Из-за какой-то... дочки проводницы! Это что, правильно?! Ты с ума сошел вместе с ним!

Она вновь принялась рыдать, уже громче, истеричнее, упав на диван. «Он пропадет... я знаю... он пропадет без меня...»

И тут в Ефиме Сергеевиче что-то сорвалось. Терпение,

копившееся два дня, лопнуло. Он не просто повысил голос. Он закричал, впервые за многие годы обращаясь к жене не с лаской, а с гневной, обжигающей отповедью.

– ТАСЯ! ЗАМОЛЧИ!

Его громоподобный голос заставил ее вздрогнуть и резко оборвал рыдания. Она уставилась на него в испуге, не узнавая своего всегда сдержанного мужа.

– Хватит этих слез! – он шагнул к дивану, его лицо было суровым. – Вспомни нас! Молодых! Ты слушала своих родителей? Вспомни, как я, старпом, мчался после каждой вахты к тебе через пол-города! На последнюю электричку! А потом, когда Клим родился, я мчался к вам обоим! Вспомни, как ты, бросив годовалого сына у моих родителей, приезжала ко мне на теплоход на два дня! Вспомни, как мы прятались в каюте и не могли надышаться друг на друга, налюбоваться, будто в последний раз!

Таисия Михайловна замерла, глаза ее были широко раскрыты. Он тыкал пальцем в воздух, вытаскивая из памяти одно болезненное и прекрасное воспоминание за другим.

– А помнишь, как ты торопилась сойти по трапу в Архангельске, чтобы купить мне подарок на годовщину, поскользнулась и упала за борт? Тебя еле спасли! Ты потом не могла годами родить второго, врачи говорили, из-за того переохлаждения! Мы почти отчаялись! А потом... потом как мы радовались Власу! Как мы его ждали! Он был нашим чудом! Нашей наградой! -

Он тяжело дышал, подойдя к ней вплотную. – И это ты! Ты сама его избаловала! Ты сделала его неуправляемым! Его двойки, его бесконечные драки в школе, его дерзость и агрессия – это все плоды твоей слепой любви! Ты внушила ему, что он центр вселенной, что ему все можно! И что в итоге? Он вырос эгоистом, который ни во что не ставил ни нас, ни учебу! И мне пришлось запихнуть его в училище! А ведь у него светлая голова! Он схватывает все на лету. Мы даже не спросили его, а хочет ли он идти моей дорогой!

Ефим Сергеевич наклонился к ней, и его голос стал тише, но от этого еще более пронзительным.

– А теперь... теперь появилась эта девочка. Эта «дочь проводницы». И что мы видим? Он подтянул учебу. Перестал хулиганить. Нашел цель. Смотрит в будущее и строит его! Впервые в жизни он думает не только о себе, а о ком-то еще! Он готов пахать, как последний матрос, на ржавом корыте, только бы быть ближе к ней! Эта девочка, которую ты так презираешь, делает из нашего заблудшего сына настоящего мужчину! И это тебе не нравится? Ты хочешь разрушить это? Вернуть того заносчивого щенка, которым он был? Ты хочешь сломать ему жизнь только потому, что его счастье не укладывается в твой уютный план?!

Он умолк. В комнате повисла тишина, звенящая от сказанного. Таисия Михайловна сидела, не двигаясь, слезы медленно катились по ее щекам, но это были уже не истеричные рыдания, а тихие, горькие слезы осознания. Она смотрела

куда-то мимо мужа, видя те самые молодые лица, о которых он говорил. Его – упрямого, влюбленного старпома. И себя, бесстрашную девочку, готовую на все ради любви. Она все поняла. Поняла с жестокой, беспощадной ясностью. Он был прав. Абсолютно прав. Ее материнская слепота, ее желание уберечь своего «позднего мальчика» от любой бури, грозили погубить в нем то самое начало, которое она когда-то так любила в его отце – умение бороться, принимать решения, любить до безумия.

Она медленно подняла на него глаза, полные стыда и боли.

– Но я боюсь, Ефим, – прошептала она. – Так боюсь его потерять...

Он сел рядом, обнял ее за плечи, и его голос смягчился.

– Мы все теряем их, Тасенька. Рано или поздно. Лучше потерять, зная, что он стал сильным, чем держать возле себя слабым. Дай ему шанс. Дай им шанс.

Таисия Михайловна прижалась к его плечу и закрыла глаза. Ссора закончилась. Но в душе осталась тяжелая, неизбывная тревога. Она проиграла эту битву. Но война за сердце ее сына только начиналась.

Глава 7

Поезд пришел в Астрахань глубокой ночью. Воздух, густой и влажный, пах рыбой, солью и чем-то нефтяным. Влас вышел на перрон, сжимая в руке адрес причала. Вместо прохладного волжского ветра его встретила тяжелая, теплая духота. Город спал, лишь огни порта тускло мерцали вдали, отражаясь в черной, маслянистой воде.

Он нашел «Волгодон» не сразу. Судно стояло в стороне от ярко освещенных новых теплоходов, затерявшись среди таких же потрепанных барж и старых буксиров. При тусклом свете прожектора оно выглядело еще более обшарпанным, чем на фотографиях. Ржавые борта, облупившаяся краска, палуба, заставленная какими-то ящиками и тросами. От него пахло мазутом, старым железом и затхлостью.

Влас поднялся по шаткому трапу. На палубе его встретил дежурный – заспанный, небритый мужик в замасленной робе.

– Лазарев? – буркнул он, сверившись с бумажкой. – Ждали. Каюта внизу, по правому борту. Утром в семь на построение. Капитан Степаныч тебя видеть хочет.

Каюта оказалась крошечной клетушкой с двумя ярусами нар. Верхняя была занята, на нижней, смяв грязный матрас, храпел другой человек. Воздух был спертым, с примесью пота и перегара. Влас бросил вещи в угол и сел на единствен-

ный табурет. По спине пробежали мурашки. Это был не тот старт, о котором он мечтал, глядя на холеные суда отца. Это был самый низ.

Утром его разбудил резкий рев сирены. Строение было коротким. Капитан Степаныч, сухой, жилистый мужчина с обветренным, как дубленая кожа, лицом, окинул его цепким, колючим взглядом.

– Лазарев-младший? – спросил он, и в его голосе не было ни капли подобострастия. – Папаша звонил, просил не давать тебе спуска. Так что спуску и не будет. Ты у нас и моторист, и рулевой, и грузчик, коли что. Считай, что тебе повезло – с самого дна начнешь, всю кухню изучишь. Старпому доложил, он тебя по рабочим местам проведет.

«Кухня» началась с машинного отделения. Спуск в трюм был похож на погружение в ад. Оглушительный рев двигателя, температура под пятьдесят, воздух, густой от выхлопных газов и паров солярки. Старший механик, дядька с руками, по локоть покрытыми татуировками и мазутом, кричал ему прямо в ухо, показывая на гигантские, потные от конденсата механизмы:

– Это – главный дизель! Дышло ему не сломать, но он капризный, как баба! Давление масла смотри здесь! Температуру здесь! Раз в два часа обход и запись в журнал! Понял, салага?

Потом были насосы, фильтры, трубопроводы. Все было старым, заляпанным грязью, местами ржавым. Влас трогал

металл, и руки тут же становились черными. Ему выдали засаленную робу.

Первая вахта на руле показалась спасением после трюма. Но и тут была не романтика, а монотонная работа. Стоять в душной рубке, вглядываться в горизонт, слушать однообразные команды капитана или старпома: «Лево руля!», «Право на борт!», «Держи курс!». Глаза слипались от усталости, ноги затекали. А за стеклом проплывали те самые красивые теплоходы, белые, как лебеди, с веселыми людьми на палубах. Они казались призрачными кораблями из другого мира. Мира, который он добровольно променял на эту ржавую, пыхтящую посудину.

Но самая тяжелая работа ждала его внизу, в самом нутре «Волгодона». Судно было старое, и его постоянно подтачивало изнутри. В один из дней, когда они шли с грузом угля, объявили тревогу: «Поступление воды в трюм!».

Влас вместе с другими членами команды спустился в сырой, темный отсек. Фонарь выхватывал из мрака толстые балки, паутину труб и... тихое, зловещее журчание. Вода сочилась из сварочного шва, образуя на дне трюма грязную лужу.

– Вот, красавец, – хрипло усмехнулся стармех. – Насос завели, но щель надо искать и заделывать. Ползешь ты. Ты моложе всех.

Ему вручили зубило, молоток и пачку специальной замазки. Влас, сгибаясь в три погибели, пополз в тесный лаз меж-

ду днищем и углем. Пространство было таким узким, что нельзя было повернуться. Угольная пыль забивала нос и рот, смешиваясь с водой. Он на ощупь искал повреждение, потом, лежа на спине в ледяной жиже, с трудом отбивал старую, разъеденную ржавчину и втирал в щель липкую, как жвачка, массу. Вода била ему в лицо, он задыхался, его руки дрожали от напряжения. В голове стучало: «Ради чего? Ради нескольких часов на берегу? Ради того, чтобы увидеть ее с палубы?»

Через несколько часов, грязный, мокрый и обессиленный, он выбрался на палубу. Руки были в ссадинах и мазуте, спина отказывалась разгибаться. Он стоял, опершись о леерное ограждение, и смотрел на проплывающий мимо берег. Там, вдалеке, был ее город. Но сейчас до него было еще несколько дней пути. И между ним и Женей была не только вода, но и эта каторжная работа, эта вечная грязь, усталость, сбивающая с ног, и ощущение, что ты – всего лишь винтик в этом скрипучем, дряхлом механизме.

По вечерам, падая без сил на жесткую койку, он доставал телефон. Связь была редкой и плохой. Он набирал ей сообщения, описывая не тяготы быта, а красоту закатов над Волгой, огни далеких деревень, стаи чаек, провожающих их судно. Он писал о том, как ждет их встречи. Это было его спасением. Эти короткие моменты связи с ней были тем чистым островком, ради которого он терпел грязь, усталость и унижения от бывалых речников, которые посмеивались над

«барчуком», решившим поиграть в рабочего.

Он познавал водный транспорт не с капитанского мостика, а из самого его нутра, из трюма, где капала ржавая вода, и из машинного отделения, где оглушающий рев дизеля заменял все мысли. И с каждым днем романтический флер таял, как дым, обнажая суровую, мужскую правду этой работы. Правду, которую он добровольно выбрал себе в удел. Ради нее.

Ожидание того самого момента, когда он увидит ее город, стало для Власа главным маяком. Он высчитал по карте и расписанию примерное время прохождения мимо знакомого берега. Сердце билось чаще, когда на горизонте начали появляться огни большого города, и он узнал очертания моста, на котором они когда-то гуляли.

Но судьба подбросила ему новое испытание. Они шли ночным рейсом. Город плыл мимо, усыпанный россыпями огней, тихий и спящий. Влас стоял на палубе, вцепившись в холодный поручень, и вглядывался в ту точку, где, как он знал, была ее хрущевка. Его рука потянулась к телефону, чтобы отправить сообщение: «Я здесь!». Но он остановился.

Было три часа ночи. Что он сделает? Разбудит ее? Заставит в панике вскочить, вызывать такси и ехать в ночную тьму? Чтобы она увидела лишь темный силуэт уходящего судна? Нет. Это было бы эгоистично. Его радость встречи не должна была стоить ей тревожного пробуждения и чувства горькой неудовлетворенности. Он просто смотрел, впи-

тывая в себя этот образ спящего города, в котором жила его любовь. И в этом молчаливом, одиноком наблюдении было что-то более зрелое и настоящее, чем во всех романтических фантазиях. Он не просто любил, он учился беречь.

И вот в Рыбинске начался сложный участок с крутым поворотом фарватера. Течение поджимало к берегу, ветер сбивал с курса. Капитан Степаныч, не отрываясь смотревший вперед, вдруг обернулся и резко крикнул:

– Лазарев! К штурвалу!

Влас, стоявший на подхвате, вздрогнул от неожиданности, но шагнул вперед. Его ладони легли на прохладные рукоятки штурвала.

– Право на десять! – скомандовал капитан. – Держи по створу огней! Видишь, красный уходит за белый? Так и веди. Не давай течению схватить нос.

Влас поворачивал штурвал, чувствуя, как тяжелая посудина медленно, нехотя отзывается на его команды. Он весь был сосредоточен, лоб покрылся испариной. Это было не то, что держать курс по прямой. Это была борьба. Борьба с рекой, с ветром, с инерцией тысяч тонн стали и груза.

– Спокойнее, – раздался рядом спокойный голос Степаныча. – Река силу любит. Ты ее рвешь – она тебя ломает. Ты ее понимаешь – она тебе поддается. Чувствуй судно.

И Влас попытался почувствовать. Сквозь штурвал, сквозь палубу под ногами. Он вел «Волгодон», как огромного, неповоротливого зверя. Когда поворот остался позади и судно

вышло на прямой участок, капитан хмыкнул:

– Нормально. Если здесь научишься, остальные повороты для тебя семечки будут. От штурвала свободен.

В этой короткой фразе была первая, заработанная потом, а не деньгами отца, крупица уважения. Влас почувствовал прилив гордости, затмевающий всю усталость.

Но река и судьба готовили ему новые, менее героические испытания. После Череповца, где взяли пресную воду, на судне началось тихое бедствие. Вода в городе была, мягко говоря, «специфической». Местные к ней привыкли, а вот организмы новичков реагировали бурно.

Первые признаки Влас почувствовал к вечеру. Сначала просто неприятное урчание в животе, потом резь, а потом начался настоящий штурм. Он проводил следующие три дня в основном в тесном, душном гальюне, который он мыл теперь с особым рвением. Его, крепкого и здорового парня, скрутило так, что он готов был лезть на стену. Тело слабело, из него уходили все силы, оставляя только изматывающую слабость и постоянные позывы.

Команда, естественно, не осталась в стороне.

– Что, Лазарев, боевое крещение принимаешь? – подтрунивал стармех, встречая его бледного и осунувшегося на палубе. – Череповецкая вода еще ни одного новичка не миновала. Очищается организм от столичной шелухи.

– Держись, салага, – хлопал его по плечу кто-то из команды. – Зато потом будешь пить что угодно, как козел!

Эти подначки уже не были злыми. В них было какое-то почти братское сочувствие. Через это проходили многие. Это была часть общего опыта, такая же неизбежная, как ржавчина в трюме или капризы дизеля. И то, что Влас не ныл, не звонил папе с просьбой выдернуть его, а просто молча страдал и выполнял, что мог, по мере сил, вызывало у бывалых речников уважение.

На четвертый день кошмар отступил. Влас, похудевший и еще более загорелый, стоял на палубе и пил простую воду, смотря на проплывающие берега. Он прошел через грязь, усталость, болезнь и первую настоящую штурманскую задачу. Он не увидел Женю, но принял решение мужчины. Он не сломался.

И каждый прожитый на этой ржавой посудине день делал его слова «Я вернусь» не юношеской клятвой, а твердым, выстраданным убеждением. Он возвращался бы не таким, каким уехал. Он возвращался бы настоящим.

Глава 8

Через несколько дней, казавшихся вечностью, «Волгодон» шел обратно. Груз был сдан, трюмы пустовали, и судно направлялось в порт, который Влас ждал с гораздо большим нетерпением, чем любой моряк ждет захода в родную гавань. И вот они отшлюзовались. Это был ее город. И на этот раз у них была стоянка на погрузку. Целых шесть часов.

Сердце Власа колотилось, как отбойный молоток, когда берег с знакомыми очертаниями заводских труб и многоэтажек начал приближаться. Он привел себя в порядок как мог в условиях кают-компания: тщательно выбрился, надел чистейшую одежду, хотя понимал, что от запаха мазута никуда не деться.

Когда судно пришвартовалось и зашумели погрузочные краны, Влас, собрав всю свою решимость, постучал в дверь капитанской каюты.

– Войди! – раздался хриплый голос Степаныча.

Капитан сидел за столом, изучая какие-то бумаги. Он поднял глаза на Власа, оценивающе окинул его взглядом.

– В чем дело, Лазарев? Смена не твоя. Почему не отсыпаться?

– Товарищ капитан, Анатолий Степаныч, – начал Влас, чувствуя, как подкашиваются ноги. – Разрешите сойти на берег. На два часа. Мне... очень нужно.

Степаныч отложил ручку, откинулся на спинку кресла. Его пронзительный взгляд буравил Власа.

– Очень нужно? – переспросил он медленно. – Какое у тебя тут «очень нужно»?

Влас глубоко вдохнул. Врать или увилывать было бесполезно.

– Здесь живет моя девушка. Я... я хочу ее повидать. Всего на два часа. Я к своей смене буду обязательно.

В каюте повисла тишина. Капитан не сводил с него глаз. И вдруг в этих жестких, морщинистых глазах мелькнуло понимание. Он все сложил воедино: упрямый отказ от отцовского судна, готовность терпеть лишения на этой «железяке», ночные вахты и грязную работу в трюме.

– Так... – протянул Степаныч. – Значит, вон оно чего. Ради этой самой девчонки ты и приперся сюда, на мой «Волгодон», вместо того, чтобы по каюткам на папином судне шаркать?

Влас молча кивнул, готовый к насмешке или отказу.

Но капитан не засмеялся. Он тяжело вздохнул, провел рукой по щетине.

– Папенькин сынок... – произнес он, но в его голосе не было презрения. Была какая-то усталая, почти отеческая нота. – А гордости-то, гордости в тебе... как у того же папки. Идиотский поступок. Романтический бред. – Он помолчал, глядя в окно на серый портовый пейзаж. – Но черт возьми... В наше время за девушками на край света ездили. И на таких

же ржавых корытах. Уважаю.

Он резко повернулся к Власу.

– Два часа. Понял?

– Понял, товарищ капитан! Спасибо! – Влас едва сдержался, чтобы не выскочить из каюты радостным прыжком.

– И, Лазарев! – окликнул его капитан уже у двери. – Передай ей привет. Скажи, что у тебя капитан суровый, но не бессердечный.

Влас выскочил на палубу, и его будто на крыльях понесло по трапу на берег. Он не помнил, как бежал по городу, как звонил ей, замирая в ожидании ее голоса.

– Алло? – ее голос прозвучал как спасение.

– Я в городе. Стоим в порту. Всего на два часа. Я могу?..

– Беги! Мама в рейсе! Я одна! – она выдохнула, и он услышал в трубке ее счастливый смех, похожий на рыдание.

И вот он стоит перед ней, на пороге ее хрущевки, весь пропахший рекой и соляжкой, загорелый, похудевший, но с горящими глазами. А она смотрит на него, не веря, что это не сон. Дверь захлопнулась, и они просто стояли в прихожей, вцепившись друг в друга, как будто боялись, что один из них исчезнет.

Они не пошли в кафе или в кино. Они просто сидели у нее в комнате, на той самой кровати, держась за руки, и торопливо, сбивчиво рассказывали друг другу все, что не вошло в короткие сообщения и разговоры по телефону. Он – о закатах и о повороте у слияния Шексны с Волгой, опускаая

грязь трюма и череповецкую воду. Она – об учебе, о маме, о том, как каждый вечер выходила на мост в надежде увидеть его судно.

Но слова скоро кончились. Их заменили взгляды, прикосновения, тихое дыхание. Он коснулся ее щеки, и она прижалась к его шершавой ладони.

– Я так по тебе скучала, – прошептала она. – Кажется, каждый день ждала этого.

– Я тоже, – его голос сорвался. – Каждую секунду.

Он наклонился, и их поцелуй был не таким жадным и отчаянным, как в их последнюю ночь. Он был медленным, глубоким, бесконечно нежным, словно они заново узнавали вкус друг друга. Это была не просто страсть, это было подтверждение того, что они все еще живы, все еще вместе, несмотря на километры и время разлуки.

Он снимал с нее одежду с трепетом, будто разворачивал самый дорогой подарок. Его руки, привыкшие к грубому металлу и скользким тросам, теперь скользили по ее коже с поразительной бережностью. Когда они слились в одно целое, не было той дикой, всепоглощающей ярости, что была прежде. Была тихая, почти болезненная нежность. Он двигался медленно, глядя ей в глаза, а она обнимала его, прижимая к себе так сильно, как будто хотела вобрать его в себя, чтобы он никогда больше не уезжал. В этой близости была вся тоска, все ожидание, вся надежда. Это был не просто секс, это был разговор на языке, понятном только им двоим.

Разговор о том, что они помнят, что любят, что ждут.

Они лежали потом в обнимку.

– Ты вернешься? – тихо спросила она, уткнувшись лицом в его грудь.

– Обязательно, – он поцеловал ее в макушку.

Два часа истекли с неумолимой скоростью. Прощаться было невыносимо больно, но в этой боли была теперь не безысходность, а твердая уверенность. Он прорвался сквозь все преграды. Он был здесь. Он смог. И ради этих двух часов, ради этого тихого «ты вернешься?» он был готов снова идти на дно трюма и пить череповецкую воду.

Когда Влас бежал обратно в порт, на душе у него было и горько, и светло. Он обернулся на прощание к ее дому, помахал рукой, где, как он знал, она стояла у окна.

На судне его встретил стармех.

– Ну что, герой, повидался? – спросил он, и в его голосе снова была не насмешка, а нечто вроде участия.

– Повидался, – кивнул Влас, и его лицо озарила улыбка, которую уже не могла стереть даже предстоящая работа.

– Ну и ладно. Теперь есть ради кого работу справную делать. А то, браток, любовь любовью, а наварку в машинном отделении менять все равно кому-то надо. Давай, меняйся.

И Влас с новыми силами спустился в знакомый ад машинного отделения. Теперь у него был не просто абстрактный пункт назначения. У него был реальный, теплый огонек в этом городе, к которому он обязательно вернется. И капитан,

который это понял, стал в его глазах не просто начальником, а почти что союзником.

Глава 9

Между редкими, как драгоценный жемчуг, встречами в порту тянулась вереница дней, заполненных работой и бесконечной перепиской. Но теперь в этой разлуке появился новый, тонкий и болезненный оттенок – молчание матери.

Однажды вечером, когда «Волгодон» стоял под погрузкой в небольшом волжском городке, Влас поймал относительно устойчивый сигнал и набрал номер мамы.

– Мама, привет, – сказал он, стараясь, чтобы в голосе звучала усталая, но ровная уверенность.

– Власик! Родной мой! – голос Таисии Михайловны задрожал от неподдельной радости, но Влас тут же уловил в нем ту самую новую, настороженную ноту. Последовал поток привычных заботливых вопросов, однако они были иными.

– Ты как? Наверное, не высыпaeшьсeя? На судах всегда шумно. Горячим хотя бы нормально кормят? Ты не голодный? Одевайся теплее, на воде всегда ветрено.

Он отвечал односложно:

– Все нормально, мам. Спитсeя. Кормят. Тепло.

Он ждал. Ждал колкости, упрека, хоть какого-нибудь упоминания о «девчонке», которое дало бы повод для разговора, для спора, хоть для какого-то выяснения. Но его мать, обычно такая экспрессивная, упорно обходила главную тему молчанием. Она говорила о погоде в Москве, о новостях от

Клима, о здоровье отца, но словно заговорщически игнорировала единственную причину, по которой он оказался на этом «ржавом корыте». Эта избирательная слепота была хуже открытой войны. Войну можно было вести. А как бороться с тишиной? В ее заботливых расспросах он чувствовал не принятие, а тяжелую, упрямую надежду, что это «увлечение» – всего лишь дурной сон, который рано или поздно закончится, и ее мальчик вернется в свою правильную, безопасную жизнь.

Положив трубку, Влас чувствовал себя не облегченным, а еще более одиноким. Отец понял. Капитан Степаныч – тот самый, суровый – понял. А самый близкий человек – мать – отказывался видеть очевидное, предпочитая жить в выдуманном мире. Это осознание было горьким осадком на дне души.

Их встречи с Женей и правда были урывками, короткими вспышками счастья на фоне серых будней. После той первой, выстраданной стоянки, Влас научился ценить каждую секунду. Иногда это были те же два часа в ее квартире, когда Раиса Даниловна была в рейсе. Иногда – всего сорок минут на причале, пока грузили уголь или песок. Он прибегал запыхавшийся, она уже ждала его у проходной порта. Они сидели на каком-нибудь старом, отполированном до блеска волнами причальном кнехте, держались за руки и говорили, говорили без умолку, пытаясь втиснуть дни разлуки в минуты свидания. Потом он снова бежал на судно, оборачиваясь

на ее одинокую фигурку у ворот, а она долго стояла и смотрела всему удаляющемуся «Волгодону», пока он не превращался в точку на горизонте.

Женя, чтобы как-то скрасить ожидание и почувствовать себя хоть чуть-чуть ближе к его миру, устроилась летом на подработку. Не куда-нибудь, а в небольшой продуктовый магазинчик поближе к набережной, недалеко от моста. Теперь, когда судно должно было пройти мимо города, она не просто выходила на мост. У нее был свой, особый ритуал.

Выйдя из магазина в обеденный перерыв или по окончании смены, она шла не на мост, а на набережную. Там, где бетонные плиты уходили под воду, а чайки сидели на чугунных ограждениях.

И вот на горизонте показывалась знакомая, потрепанная громадина. Сердце начинало биться чаще. Она взглядом искала его. Сначала среди фигурок в рабочей робе у лебедек, потом на мостике. И почти всегда находила. Он стоял у поручней, тоже вглядываясь в берег, зная ее место. Она просто поднимала руку и начинала медленно, плавно махать ему. Фигурка на берегу, которую никто, кроме него, не видел. А он, за много сотен метров, отвечал ей тем же. Поднимал руку и махал, махал ей в ответ, пока силуэт судна не начинал сливаться с очертаниями берега.

В эти минуты не было ни грязных трюмов, ни ссор с матерью, ни усталости. Была только она, он и широкая река между ними, по которой он плыл к ней, как по серебристой до-

роге. Эти минуты молчаливого приветствия стали для них самым важным разговором. Они говорили: «Я здесь. Я жду. Я люблю». И Влас, стоя на палубе и глядя на ее маленькую, но такую стойкую фигурку на набережной, понимал, что ради этих минут он готов на все. Даже на молчаливую, упрямую войну с собственной матерью. Потому что его настоящая семья, его дом и его будущее были там, на берегу, и махали ему рукой.

Для любого речника или моряка первое судно – самое черное. И дело не только в краске, что навсегда въедается в ладони и скулы. Оно черное от копоти машинного отделения, от мазутной грязи в трюмах, от ржавой воды, сочащейся по заклепкам. Это чернота первой, самой тяжелой пробы сил, когда романтические представления о реке разбиваются о суровый быт. Но главная его чернота – метафизическая. Это воронка, всасывающая тебя целиком, без остатка. Это первая взрослая жизнь, оторванная от всего привычного, от родительского крова, от друзей, от запаха дома. Это притирка к чужим, часто недобрым людям, у которых свои заскоки, свои обиды и своя, выстраданная годами, субординация. И сквозь всю эту черноту, как иголка через толстую ткань, пронзительно колет тоска. Тоска по дому, по родителям, по той, что осталась на берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.